

ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ КОНСТРУКТИВИЗМА И РЕАЛИЗМА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Игорь Дмитриевич Невважай – доктор философских наук, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии. E-mail: igornevv@gmail.com

В статье анализируется ограниченность альтернативных концепций познания – конструктивизма и реализма – и обосновывается необходимость их взаимодополнительности. С этой целью анализируются значения понятия «данное», связанные с разными типами активности сознания субъекта познания. Наряду с интенциональной способностью сознания рассматривается его респонсивная способность. Раскрывается связь интенциональности с интерпретативной функцией познания и респонсивности с ее выразительной функцией. Автор развивает коммуникативную концепцию познания и показывает роль циклов интерпретация–выражение в процессе познания. Вывод о взаимодополнительности таких форм активности субъекта познания, как интерпретация и выражение, делает неизбежным введение понятия о познавательных культурах и их типах. Автор показывает место конструктивистской и реалистической концепций в определяемой им типологии познавательных культур.

Ключевые слова: конструктивизм, реализм, интенциональность, респонсивность, интерпретация, выражение, познавательная культура.

COMPLEMENTARITY OF CONSTRUCTIVISM AND REALISM IN EPISTEMOLOGY

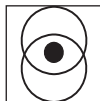
Igor Nevvazhay – professor, chair of philosophy department, Saratov State Law Academy, Russia.

The paper analyzes the limitation of alternative concepts of knowledge, constructivism and realism. A necessity of their complementarity is grounded. The core of controversy between constructivism and realism is a belief about “the given”. The author follows R. Rorty who considers two meanings of a notion of “the given”: “making” and “finding”. The author shows that these different meanings of concept of “the given” are connected with different types of subject consciousness activity. Together with intentional ability of consciousness he considers responsive ability. Both abilities were a subject of phenomenological analysis (E. Husserl, A. Reinach, B. Waldenfels). The author argues that there are certain connections between intentionality and interpretative function of knowledge, on the one hand, and between responsiveness and expressive function of consciousness, on the other hand. Developing the communicative concept of knowledge he shows the meaning of cognitive cycles «interpretation_expression» in the process of knowledge.

A consideration of cognitive process as a semiotic one allows to show that interpretation is provided by such kind of basic function of sign as indication, and expression is provided by the other function of sign as substitution, or presentation. The author shows that complementary of interpretation and expression is a consequence of two processes – finding a name and making a meaning. The conclusion about complementary of interpretation and expression leads to a belief about cognition cultures and their types. He shows a place of constructivism and realism in the context of typology of cognition cultures.

Key words: constructivism, realism, intentionality, responsiveness, interpretation, expression, cognition culture.

Проблематичность понятия «данное»

В предлагаемой статье будет защищаться тезис о взаимодополнительности конструктивизма и реализма в процессе обоснования знания. В философской литературе давно зафиксирована ситуация конфликта между этими альтернативными концепциями познания. Как можно вести себя в антиномической ситуации? Первый вариант – признать одну из концепций истинной, «правильной», а противоположную ложной – является проявлением догматизма, если существуют аргументы в пользу каждой из них. Второй вариант: признать обе концепции ложными, и третий вариант – признать обе истинными. В случае признания обеих ложными ставится задача поиска новой и истинной третьей концепции. В этом случае обычно говорят о преодолении ограниченности обеих. Если же обе исходные концепции признавать истинными (что противоречит здравому смыслу и вызывает, как правило, отторжение), то необходимо предложить рациональный вариант понимания смысла такой возможности. Он, на мой взгляд, связан с осмыслением отношения альтернативных концепций в согласии с общеизвестным принципом дополнительности. Из последних слов видно, что автор данной статьи придерживается точки зрения, согласно которой и реализм и конструктивизм являются вполне правомерными, хотя и альтернативными версиями обоснования научного знания.

Существуют глубокие исторические корни проблемы обоснования знания и альтернативных версий ее решения. Истоки этой проблемы уходят в философию Нового времени, когда вопрос об основаниях истинного знания стал актуальным, в том числе и в прагматическом плане в контексте задач преобразования природы в целях удовлетворения человеческих потребностей.

Речь идет, разумеется, о противостоянии эмпиризма и рационализма в философии Нового времени. Тупики, в которых оказались эмпиризм и рационализм, обусловлены их методологией решения проблемы обоснования знания. Рационализм не смог обосновать существование реальности вне и независимо от знания, исходя лишь из факта существования самого знания. Аналогичный тупик ждал эмпиризм, поскольку знание о фактах он стремился вывести из самих фактов. По отношению друг к другу они выполняли не только важную критическую функцию, но и функцию взаимодополнения, т.е. проблемы, не решаемые, допустим, в рамках эмпиризма, решались в рамках рационализма, и наоборот. Все сказанное здесь достаточно хорошо известно, поэтому не нуждается в разъяснениях. Хочу только обратить внимание на тот прием, каким И. Кант пытался преодолеть ограниченность эмпиризма и рационализма, стремясь построить

«синтетическую» теорию познания. Кант видел несовершенство позиции эмпиризма в невозможности описать переход от чувственно «данного» к его знанию (Кант говорил о «слепоте ощущений» без понятий), а рационализм обвинял в том, что тот не может теоретически выйти за пределы понятий в область материальной действительности (обвинение в «пустоте понятий» без ощущений). Синтез эмпиризма и рационализма при преодолении недостатков обеих концепций Кант нашел в рамках концепции априоризма и понимания деятельно-синтетической природы познания. У Канта отношение субъекта и объекта познания опосредовано условиями познания разного рода.

Другой способ решения описанной проблемы был предложен интуитивизмом. Этот подход, имевший место в истории философии, связан с поиском таких отношений между субъектом и объектом, в котором преодолевается их различие. Интуитивисты настаивали на существовании непосредственного познавательного отношения к миру, которое не опосредовано какими-либо формами деятельности субъекта познания.

Идея о «непосредственном схватывании действительности в знании» особенно характерна для русской философии. Так, интуитионизм Н.О. Лосского был попыткой утвердить нерелексивное, непосредственное отношение к миру как базовое для познания мира. С.Л. Франк в своей теории познания исходил из принципа «систематического единства» познающего и познаваемого, согласно которому сознание не копирует внешнюю действительность и не наделяет ее своими чертами, создавая иллюзию действительности, а «непосредственно созерцает реальность» и отдает себе отчет в ее содержании. В этом смысле всякое познание есть интуиция, в которой «состоит само существо сознания как непосредственного и вневременного начала» [Франк, 1922: 35–36]. Познание трансцендентной реальности обеспечивается этой интуицией.

Таким образом, интуитивизм не разрешает проблему обоснования знания, а устраняет ее, констатируя существование непосредственного познавательного отношения, в котором реальность «схвачена» и таким способом присутствует в интеллектуальном созерцании. Однако интуитивизм, как мне кажется, не в состоянии предъявить какие-то критерии, с помощью которых мы могли бы отличить акт непосредственного схватывания реальности от акта непосредственного схватывания воображаемого интенционального объекта. Интуиция есть фундаментальная способность человеческого сознания, но она не является способом непосредственного выхода разума к объективной реальности.

С методологической точки зрения кантовский опыт решения рассматриваемой проблемы представляется более продуктивным. Кантовский выход за пределы и эмпиризма и рационализма был связан с

выявлением и анализом новых форм активного отношения субъекта к объекту познания. При этом эмпиризм и рационализм оцениваются не как ложные, а как относительно истинные и нуждающиеся в своей противоположности в качестве дополнительного основания. Я хочу воспользоваться этим методом для выхода из контрверсы конструктивизм–реализм, которая является продолжением конфликта разных парадигм познания. Условно их можно обозначить так же, как это сделали в свое время авторы монографии «Основы онтологии», выпущенной в 1997 г. в Санкт-Петербургском университете. Одна из них – это онтологическая парадигма, сформировавшаяся еще в античности. Согласно ей, бытие дано само по себе, как таковое, и человек получает разумные основания своего поведения от этого бытия. Гносеологическая парадигма, возникшая в Новое время, исходит из признания того, что мир дан нам в формах познавательной деятельности. На мой взгляд, удачную формулу, выражающую суть противоречия этих двух парадигм – онтологической и гносеологической – и соответственно реализма и конструктивизма, предложил Ричард Рорти, отметив, что существует вечное и фундаментальное различие между найденным (finding) и созданным (making) [Рорти, 1997]. Суть обсуждаемой проблемы в том, как понимать данное, или данность. В онтологической парадигме всякое знание определяется предметом, и поэтому является знанием «о чем-то», о том, что «дано», и обнаруживается в том или ином виде в человеческом опыте; в гносеологической парадигме знание есть продукт самого опыта как деятельности субъекта.

Претензии реализма и конструктивизма друг к другу понятны и оправданны. Реализм прав, обвиняя конструктивизм в релятивизации знания, когда она доходит до утверждения человеческой субъективности, сознания как «фабрики реальности». Но и конструктивизм не беспочвенно обвиняет реализм в приверженности мифу о возможности знания об объекте вне каких-либо условий познания, т.е. как о чем-то безусловном. Критики конструктивизма не отрицают обоснованность позиции конструктивизма, осуждая его лишь за близость релятивизму [Релятивизм, 2015].

Современные философские дискуссии между сторонниками конструктивизма и реализма пока выражаются в накоплении аргументов в пользу избранной позиции. Показательна в этом плане, например, дискуссия между В.А. Лекторским и В.М. Розиным, которая длится до сих пор. Каждый из них признает притязания той или другой позиции, но остается на своей. Так, В.А. Лекторский признает, что «конструктивистский подход схватывает ряд важных характеристик познавательной деятельности, которые могут и должны быть лучше поняты в рамках другой эпистемологической позиции, которую я (вслед за

некоторыми философами) называю конструктивным реализмом» [Лекторский, 2008: 31].

В.М. Розин в своих работах показал, что логическое мышление в античности возникло как результат работ Аристотеля, в которых он определил правила и законы логики [Розин, 2008: 73–87], выразив, таким образом, конструктивистскую точку зрения.

Оппоненты по-разному отвечают на принципиальный вопрос: существует ли предмет познания до того, как он стал изучаться? В.А. Лекторский твердо держится принципа реализма, согласно которому осознавать можно только то, что уже существует, в то время как В.М. Розин допускает противоположный ответ: предмет познания создается процессом познания.

Многие сторонники реализма согласятся с тем, что «познаваемая реальность не “непосредственно дается” познающему и не конструируется им, а извлекается посредством деятельности» [Лекторский, 2008: 36]. Но как понимать это извлечение? Реалисты полагают, что можно извлекать лишь то, что есть. Но не надо забывать, что результат извлечения может не совпадать с извлекаемым. Если вы заранее не знаете, что извлечете, то на чем основана уверенность, что, извлекая из вещей, например, числа и фигуры, вы извлекаете именно то, что в них «есть» или чем они в действительности «являются»? Между «есть» и «являться» есть разница. Напомню в связи с этим глубокое замечание Канта о том, что «безусловное находится в вещах не поскольку мы их знаем, но поскольку мы их не знаем» [Кант, 1964: 90]. Именно поэтому мы и можем говорить о том, что вещи являются числами, но не обязательно они и есть числа. Если бы мы знали, каковы вещи сами по себе (т.е. как безусловное), то мы не знали бы на самом деле, что они существуют. То есть мы можем говорить о том, каковы вещи сами по себе, лишь постольку, поскольку мы их не знаем. Поскольку мы не можем знать, какова вещь сама по себе, то мы можем лишь говорить о том, как она нам дана благодаря нашей позиции, какова она в отношении к нам. Само же это отношение всегда зависит и от нас.

Говоря, что вещь нам «дана», мы не должны забывать, что дана-то она нам и в конкретных условиях, а не вообще кому бы то ни было и универсальным образом. Кант прав, говоря о том, что нам даны лишь «вещи для нас», поэтому нельзя сравнивать то, что мы извлекли из вещи, с «самой» вещью. Если мы извлекли из вещи число, то это не значит, что число есть «внутреннее содержание» самой вещи.

Критикуя фундаментализм, современный американский философ Том Рокмор отстаивает тезис релятивизма, согласно которому знание есть результат интерпретации опыта: «Подход к знанию в терминах интерпретации трансформирует эпистемологическую проблему из

той, что заботится об оправданном переходе от содержания разума к независимому объекту, в совершенно другую проблему объективности в интерпретации» [Рокмор, 1997: 91]. Таким образом, интерпретация является способом задания (making) «данного» в конструктивизме. Правомерно задаться вопросом о способе, каким нечто «дано» в реализме. Следуя ранее предложенной дихотомии «найденного—сделанного», спросим себя о том, каким образом мы «находим» нечто. Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к анализу человеческой субъективности, открывающей, или находящей, в содержании разума свидетельства существования внешнего реального предмета или явления. Часто окончательным аргументом в пользу реализма считают «очевидность», однако этот критерий является в сущности антропологическим. Как мне представляется, неантропологического критерия «данности» быть не может, так как «данность» имеет смысл лишь в контексте отношения объекта и субъекта. Кантовская критика эмпиризма привела к пониманию того, что невозможно мыслить сходство между субъективным образом и объективной реальностью, ибо сферы идеального (знания) и материального (вещь) несоизмеримы. Последовательно развивая кантовские представления о познании, знаменитый немецкий физиолог Герман Гельмгольц предложил оригинальную теорию восприятия, «теорию иероглифов», в соответствии с которой субъективные образы не имеют сходства с объективными свойствами воспринимаемых предметов, но представляют собой лишь их знаки. Эта идея мне представляется плодотворной, поскольку позволяет определить суть способа данности реальности.

Таким образом, обсуждение темы «данного» приводит нас к необходимости обратиться к анализу человеческой субъективности, человеческого сознания.

Интенциональность и интерпретация, респонсивность и выражение

В познавательном процессе актуальны определенные способности сознания, среди которых выделяется прежде всего интенциональность. Э. Гуссерль понимал интенциональность как акт придания смысла (значения) предмету. Гуссерль считал интенциональность первичным смыслообразующим отношением сознания к предмету, состоящим в предметной интерпретации ощущений. Вопрос о первичности интенциональных актов требует дополнительного обсуждения. Но если рассматривать ощущения как знаки, то можно сказать, что интенциональность есть акт интерпретации ощущения-знака, который выражается в создании определенного значения знака, т.е. вос-

принимаемая сторона вещи, вещь-для-нас может выступать в качестве знака, значение которого полагается сознанием в процессе интерпретации видимого.

Посредством конституирования значения знака осуществляется «присутствие» предмета в сознании субъекта. Понятно, что в интенциональных актах реализуется такая фундаментальная функция знака, как указание. Но в связи со сказанным возникает вопрос о природе такой столь же фундаментальной функции знака, как замещение, поскольку знак всегда замещает собой некое содержание. Поэтому я хотел бы обратить внимание на то, что ряд феноменологов стремился выйти за пределы гуссерлевского толкования интенциональности. В частности, речь идет об ученике Э. Гуссерля Адольфе Райнахе, который ввел понятие респонсивности, или «ответности», для описания социальных актов [Райнах, 2001]. Последние нацелены на соответствующие ответные действия агента коммуникации. Поэтому интенциональность, по Райнаху, содержит в себе «ответность», предполагаемое отношение Другого. Несколько иначе решает вопрос об основе познавательного отношения Э. Левинас. Оставаясь в рамках феноменологии, он перетолковывает понятие интенциональности и придает последнему смысл открытости сознания «иному». Интенциональность есть обращенность к иному, к субъективности Другого. Левинас акцентировал внимание не столько на познавательном, сколько на этическом отношении к Другому [Левинас, 2007].

Современный немецкий философ Б. Вальденфельс также развивает концепцию респонсивности сознания, но респонсивность у него дополняет, а не расширяет интенциональность. Согласно Б. Вальденфельсу, термин «респонсивность» обозначает ситуацию, когда чужое сознание, или просто чужой, «пре-присутствует» в собственном сознании субъекта, который всегда отвечает на запрос, призыв чужого. Чуждость и ответ составляют единое целое, но таким образом, что «чужое» бросает нам вызов тем, что уклоняется от схватывания, и тем, что выходит за пределы понимания.

Разъясняя смысл «чуждости», Вальденфельс пишет, что с точки зрения собственника сознания чужая претензия не следует «нашим» правилам и поначалу не имеет смысла. «Чужое» дает о себе знать в форме выходящего за пределы устанавливаемого собственным разумом порядка. Оно прерывает общепринятые смысло- и правилообразования и пускает в ход новое. Мы сами изобретаем то, что мы отвечаем, но не то, на что мы отвечаем и что делает значимым нашу речь и наши поступки. Чужое притязание отклоняет внимание от привычных событий и делает возможным иное видение, мышление и действие. Сознание своими актами может отвечать на некую «данность», реагировать на событие «вторжения чужого» в наше сознание, требуя ответа, требуя выразить вторгающуюся «данность». Анализ подоб-

ных актов связан с выяснением того, как объективная реальность (вещь, или «чужое» сознание) становится фактом нашего сознания.

Поиск выражения притязающей на собственное бытие внешней данности осуществляется в актах распознавания и признания того, что же нам «дано». Гуссерль поставил вопрос об актах выражения (по-немецки *Ausdruck*) внутреннего содержания сознания, но, как считали его ученики, эта тема осталась в рамках его «эгологии» неразрешимой [Разеев, 2004]. Невозможность редуцировать акт выражения к интенциональному акту заставляет рассматривать способность сознания, связанную с актом «выражения», отдельно как респонсивную способность.

Итак, описание сознания с помощью понятия интенциональности должно быть дополнено его описанием с помощью понятия респонсивности. Если интенция – это активность сознания, то респонсия (*response*) – это реактивность. Поиск выражения, притязающего на собственное бытие предмета внешнего мира, осуществляется в процедуре распознавания и признания того, что же нам «дано». Это уже не процедура интерпретации, но акт, который вслед за логиками и лингвистами естественно назвать именованием. Данное предмету имя представляет его как объект мысли. Акт именованя, противоположный акту интерпретации, напоминает понятие интроекции, введенное Ш. Ференци в психологию, которое означает включение индивидом в свой внутренний мир элементов внешнего мира для перенесения на них эмоциональных переживаний [Ференци, 2000]. Интроекция обеспечивается такой фундаментальной функцией знака, как функция замещения. Когда на первом этапе познания мы хотим знать что-то о новом предмете, то спрашиваем прежде всего, как «он» называется. Узнав имя предмета, мы еще не стали обладателем развернутой информации о нем, но получили в форме имени средство, с помощью которого можно мыслить предмет, обладать им в своем сознании. Предлагаемое мной понимание респонсивности несколько шире вальденфельсовского, ибо оно охватывает ответственность в отношении претензий не только чужого сознания, но и вообще всякого «иного» бытия, материального или духовного. Принципиальное значение в осознании индивидом окружающего мира принадлежит именованию. В респонсивных актах знак используется в функции замещения и представления данного нам извне и притязающего на выражение содержания.

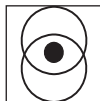
Объект может изменять свое значение и статус относительно субъекта в зависимости от того, рассматривается ли он как знак самого себя или как знак иного. При этом объект активен в качестве агента отношения, которое мы привычно называем явлением. Субъект познания разными формами своей активности позволяет объекту показывать, открывать себя и «иное» субъекту и окружающему миру. Сам

субъект открыт этому открыванию, и происходит это за счет «сдвига» точки зрения на изучаемый предмет. «Сдвиг», а точнее инверсия происходит между знаком и значением. Если предмет воспринимается как значение, то мы должны иметь знак, который выражал бы это значение, если же предмет воспринимается как знак, то мы ищем значение, которое определено данным знаком. Эта игра состояний «означаемого» и «означающего» определяет динамику познавательного процесса. Проблема данности может найти здесь свое решение. Реальность внешнего мира может присутствовать в субъекте благодаря тем условиям и средствам, с помощью которых субъект воспроизводит себя как субъекта. Одним из таких важнейших средств является язык. Далее, говоря о субъекте познания, я буду иметь в виду человека как существа, производящего символическое и ищущее вокруг себя символическое, имеющее смысл. С одной стороны, человек ищет «правильные», или «собственные», имена вещей, а с другой – создает «свои» имена для вещей.

Итак, познание есть субъектно-объектная система с обратной связью. Обратная связь обеспечивается двумя взаимосвязанными субъективными актами: интенциональным и респонсивным. Интенциональность есть направленность сознания на что-то, что является коррелятом сознания, что полагается как предмет. Интенциональным актом определяется содержание предмета. Подчеркну, что интенциональность есть способность сознания с помощью имеющихся средств, в частности знаков, устремляться в область поиска их значений. Интенциональность есть направленность сознания на предмет как на значение знака, посредством которого создается присутствие предмета в сознании. Воспринимаемая сторона вещи может выступать в качестве знака, значение которого полагается сознанием в процессе интерпретации видимого. В интенциональных актах реализуется такая фундаментальная функция знака, как указание. Таким образом, интенция определяет значение знака. Здесь отношение между знаком и его значением условно, произвольно, субъективно, поскольку значение «приписывается» знаку.

Схематично процесс коммуникации двух субъектов можно представить следующим образом (рис. 1). Субъект 1 выражает некое содержание 1 в тексте 1. Так что содержание 1 становится значением 1, выраженным и замещаемым знаком 1. Субъект 2, находясь в ситуации коммуникации, воспринимает текст 1 (или знак 1), содержание которого ему пока не ведомо. Этот текст 1 без содержания является для субъекта 2 текстом 2 (знаком 2). Я использую для текста 1 индекс 2, потому что содержание текста 1 определяется субъектом 2 в процессе интерпретации значения, и это значение 2 может не совпадать с исходным значением 1. Иначе говоря, в коммуникации сообщение от субъекта 1 может быть понято благодаря процедуре интерпретации

текста сообщения субъектом 2. Выражаемое содержание 1 может не совпадать с интерпретируемым содержанием 2. Но близость (частичное совпадение) этих содержаний или значений замещаемого (значения 1) и обозначаемого (значения 2) обеспечивает понимание субъекта 1 субъектом 2. Так называемое точное и полное взаимное понимание субъектами друг друга обеспечивается совпадением содержания 1 и содержания 2 (или значения 1 и значения 2).

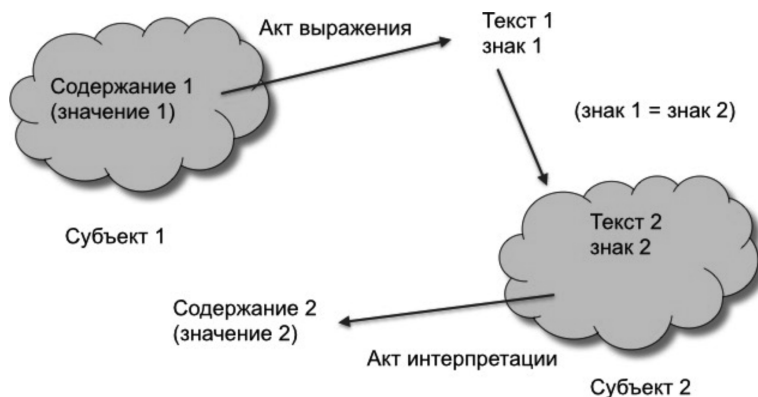

Рис. 1

Если значение, выраженное в знаке одним субъектом, не совместимо со значением, которое является интерпретацией знака, предложенной другим субъектом, то мы имеем ситуацию взаимного непонимания. Таким образом, эффективная коммуникация возможна тогда и только тогда, когда субъекты коммуникации опираются на одни и те же конвенции относительно связей знака и значения. Коммуникация может быть продолжена как повторение показанного на схеме цикла, когда содержание 2 будет выражено субъектом 2 посредством выражения с помощью текста 3, который станет предметом интерпретации для субъекта 1, и т.д. Сопоставляя различные выражения и интерпретации разных субъектов, эти самые субъекты развивают процесс коммуникации, когда их взаимопонимание требует изменить их собственные интерпретации и выражения.

Представленная схема является достаточно общей и может быть редуцирована для ситуаций познания не только другого субъективно, но и объективного материального мира. Для этого достаточно вместо субъекта 1 представить себе объект 1, который во взаимодействии с субъектом (субъектом 2) являет себя, выражая собственное содержание через посредство ощущений-знаков. Отличие этой субъектно-объектной познавательной ситуации от межсубъектной коммуникации заключается лишь в том, что субъект познания (на схеме это субъект 2) содержание 2 выражает посредством «текста», на котором «общается» природа. Прибегая к известной метафоре Галилея, что

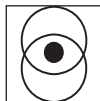

природа есть книга, которая написана на языке математики, и к его пониманию эксперимента как способа вопрошания природы, сказанное выше можно представить следующим образом.

Объект (субъект 1) выражает некое содержание 1 в тексте 1. Последний существует благодаря тому, что субъект дает имена или выражает с помощью знаков содержание 1. Субъект (субъект 2) воспринимает текст 1, содержание которого ему пока не ведомо. Содержание текста 1 определяется субъектом в процессе интерпретации значений знаков текста 1, и это интерпретированное значение 2 может не совпадать с исходным значением 1. Степень совпадения выясняется в процессе экспериментальной проверки, которая представляет собой вопрошение о содержании 1 в процессе сравнения содержания 2, которое выражено в тексте 2, являющемся предметным выражением содержания 2, которое в свою очередь является интерпретацией текста 1.

Эксперимент в герменевтическом смысле является способом достижения понимания Другого или рационального описания мира ради достижения своего рода равновесия между внешним миром и внутренним миром субъекта познания. Легко видеть, что предложенная схема в чем-то напоминает концепцию познания У. Матураны и Ф. Варелы, поскольку эта схема иллюстрирует циклы адаптации познающего к познаваемому согласно автопоэтической концепции, которую ее авторы точно выразили словами: «Все сказанное сказано наблюдателем» [Матурана, Варела, 2001]. Иначе говоря, познание представляет собой рекурсивный процесс, который осуществляет субъект в чередующихся интенциональных и респонсивных актах, посредством которых субъект ищет выражения содержания и интерпретирует создаваемые тексты. Эксперимент есть лишь практическая материальная сторона этих актов. Своими действиями субъект вместе с познаваемой реальностью представляет собой автопоэзисную систему, которая стремится воспроизводить себя как рационально устроенную систему, основанную на знании и понимании окружающего мира.

Таким образом, проблема данности может получить разные решения, если мы рассмотрим семиотический аспект познавательного отношения. Познание есть субъектно-объектная система с обратной связью. Двойная связь обеспечивается двумя взаимосвязанными субъективными актами: интенциональным и респонсивным. Интенциональным актом определяется значение предмета-знака. Интенциональность есть способность сознания с помощью имеющихся средств, в частности знаков, создавать область их значений. В интенциональных актах реализуется такая фундаментальная функция знака, как указание. Таким образом, интенция определяет значение знака. Здесь отношение между знаком и его значением условно, произ-

вольно, субъективно, поскольку значение «приписывается» знаку, но первичным и определяющим в этом отношении является знак. Респонсивность, как я стремился показать выше, есть способность сознания, отвечающая за поиск знаков, выражающих имеющееся содержание. Здесь связь знака и значения также является условной, но она определяется прежде всего содержанием или значением. В первом случае мы можем говорить о соответствии значения знаку, во втором – о соответствии знака значению. Эти два отношения соответствия не тождественны друг другу, и поэтому способы данности чего-либо могут быть двоякими: либо как знака, либо как значения.

Теперь мы можем рассмотреть контрверзу реализм–конструктивизм в аспекте отношения знака и значения. Предыдущие рассуждения подводят нас к пониманию необходимости рассматривать позиции реализма и конструктивизма относительно смысла «данного» как взаимодополнительные.

Взаимодополнительность реализма и конструктивизма и понятие познавательной культуры

Если реализм понимает «данное» как то, что может быть просто найдено, обнаружено в бытии мира, то можно было бы рассматривать его как хорошую теорию познания, которая описывает процесс познания объектов, существующих до и независимо от субъекта познания. Эта теория не должна была бы распространяться на объекты, которые существуют благодаря деятельности человека, зависимы от нее и создаются человеком. Тогда конструктивизм мог бы рассматриваться как хорошая теория познания вот таких искусственных, созданных человеком объектов. Но почему мы не принимаем такого решения? Потому что эти теории оправдываются разными представлениями о фундаментальных способностях сознания: сознание как интенциональность и сознание как респонсивность.

Для респонсивного сознания всякий предмет есть некое предзаданное предметное содержание, которое требует распознавания и выражения. Но в этом случае мы должны быть уверенными, что найденное нами выражение, текст не является субъективным, т.е. что оно адекватно содержанию и детерминировано им. Называя видимый стол именем «стол», мы должны быть уверены, что дали имя, адекватное его содержанию. На чем же держится наша уверенность? Думаю, что вовсе не на том, что перед нашим взором «очевидно» находится стол. В действительности мы поступаем иначе. Мы определяем понятие «стол», эксплицируя содержание данного понятия (т.е. даем ин-

терпретацию имени), затем сопоставляем совокупность признаков стола (зафиксированных в определении понятия) с видимым предметом «стол» и подтверждаем или нет свою гипотезу о том, что нашли «правильное» имя. «Правильность» выражения данного нам содержания зависит от «правильной» интерпретации имени (шире – текста), т.е. от интенциональной способности сознания. Данное как «найденное» легитимируется данным как «созданным».

И наоборот: данное как «созданное» легитимируется данным как «найденным». Действительно, если в интенциональных актах субъект дает интерпретацию знака, то как выяснить, что данная интерпретация является «правильной» (в смысле объективной, а не чисто произвольной и субъективной)? Ведь это важно выяснить. Если знак что-то обозначает, он не может обозначать что угодно. На данный вопрос можно искать ответ в области либо знаков, либо значений. Интерпретация «правильна», если она соответствует правилам обращения со знаками (формальный критерий из области синтаксиса) или значение соответствует некоему объективному содержанию, существующему независимо от интерпретации. Это уже содержательный критерий «правильности», и он, как видно, относится к респонсивной функции сознания и легитимируется реалистическим критерием «данности».

Таким образом, ни одна из рассматриваемых концепций – реализм и конструктивизм – не является самодостаточной, не содержит критериев оценки собственной адекватности, «правильности». Отсюда следует вывод о взаимодополнительном характере этих концепций: ни одна не обладает достаточной полнотой и легитимностью (или обоснованностью). Каждая из них требует дополнения со стороны противоположной концепции и каждая выступает основанием, оправдывающим концептуальные притязания другой.

В свете доказанного осмелюсь предложить гипотезу о том, что конструктивизм и реализм – это скорее не две теории познания, а две стратегии познания. Теории могут быть истинными или ложными, а стратегии – нет, они представляют два способа построения и оправдания теорий. В этих стратегиях определяется то, что мы называем «данным». Конструктивизм и реализм – это две противоположные стратегии, которые исходят из разных презумпций, определяющих отношение человека к источникам знания и познания. Употребляя термин «презумпция», я имею в виду, что презумпция работает до тех пор, пока не найдены обстоятельства, отвергающие ее. Презумпция – это не истина в классическом смысле слова, а допущение, определяющее стратегию наших поступков в области познания действительности.

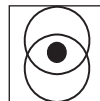
Если так, то можно поставить вопрос о существовании в эпистемологии не только теорий, но и познавательных культур. Само по-

нятие культуры применительно к эпистемологии специально рассматривалось мной еще в докторской диссертации [Невважай, 1995]. Я исходил из определения понятия культуры в науке, которое в свое время сформулировал М.К. Мамардашвили: «Эта система кодирования, воспроизводства и трансляции определенных умений, опыта, знаний... имеющая прежде всего знаковую природу, и есть культура в науке, наука как культура» [Мамардашвили, 1992: 295]. Культура в науке относится не к содержанию научного знания, а к формам и способам существования этого содержания. Развивая в настоящей статье свой подход, я хотел бы представить конструктивизм и реализм как стратегии, имеющие смысл в познавательных культурах определенных типов, подобно тому, например, как конструктивизм, реализм или интуитивизм в математике – это не теории, от каждой из которых можно было бы требовать истинности, а познавательные культуры.

Предлагаемая типология культур восходит к проблеме, поставленной еще Платоном в диалоге «Софист», где, в частности, обсуждался вопрос о том, соответствует ли имя вещи ее природе или нет. Можно считать, что имя, знак вещи произволен и не связан с природой вещи, но возможна и другая позиция, согласно которой между именем и вещью существует интимная связь, так что данное имя лучше всего выражает некое объективное содержание, заключенное в вещи [Невважай, 1995: гл. 5]. Соответственно в одной из культур мысль преимущественно направлена на выражение, на поиск знаков и текстов, адекватных некоторому уже существующему содержанию. Легко видеть, что в культуре этого типа доминирует респонсивная способность сознания. Другая культура связана прежде всего с интенциональной функцией сознания, и здесь уже знак рассматривается как чистая условность, и основное внимание в познавательной деятельности уделяется определению значения, или содержания. Эти две познавательные культуры условно можно было бы назвать соответственно выразительной и интерпретационной или культурой выражения и культурой интерпретации. Первая создает тексты, системы знаков, которые в данной культуре считаются настоящей реальностью, неотделимой от мира вещей и явлений. Вторая создает правила, которые определяют то, что существует, а существует то, что «правильно», что соответствует правилам обращения со знаками.

Заклучая, можно сказать, что реализм и конструктивизм принадлежат разным познавательным культурам, которые соответствуют культуре образования, создания текстов и культуре правил, по которым функционируют и строятся новые тексты. И тексты и правила являются разными, но взаимодополнительными в процессе формирования фреймов знаний о мире и человеке.

Библиографический список

- Вальденфельс, 1999 – *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск, 1999.
 Кант, 1964 – *Кант И.* Критика чистого разума // И. Кант. Соч. М., 1964.
- Т. 3.
 Левинас, 2007 – *Левинас Э.* Путь к Другому. СПб., 2007.
 Лекторский, 2008 – *Лекторский В.А.* Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания ; отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2008.
 Мамардашвили, 1992 – *Мамардашвили М.К.* Наука и культура // М.К. Мамардашвили. Как я понимаю философию. М., 1992.
 Матурана, Варела, 2001 – *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М., 2001.
 Невважай, 1995 – *Невважай И.Д.* Свобода и знание. Саратов, 1995.
 Разеев, 2004 – *Разеев Д.Н.* В сетях феноменологии. СПб., 2004.
 Райнах, 2001 – *Райнах А.* Собрание сочинений. М., 2001.
 Релятивизм, 2015 – Релятивизм как болезнь современной философии ; отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2015.
 Розин, 2008 – *Розин В.М.* К проблеме границ конструктивизма // Конструктивизм в теории познания ; отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2008.
 Рокмор, 1997 – *Рокмор Т.* Математика, фундаментализм и герменевтика // Вопросы философии. 1997. № 2.
 Рорти, 1997 – *Рорти Р.* Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М., 1997.
 Ференци, 2000 – *Ференци Ш.* Теория и практика психоанализа. СПб., 2000.
 Франк, 1922 – *Франк С.Л.* Введение в философию в сжатом изложении. Пг., 1922.